

ОДИН ИЗ ОБЫКНОВЕННЫХ ДНЕЙ ВАЛЕНТИНЫ ПЕТРОВНЫ

Есть ещё в городе кварталчики, не добитые новостройками, не урбанизированные, прямо скажем, кварталчики. Называются «частным сектором», состоят обычно из трёх-четырёх улиц, туго перехваченных переулками, и живут совершенно иной, почти деревенской жизнью. И хотя попрятались они, порой, в центре мегаполиса, воздух здесь чище, люди спокойнее, а всепроникающий городской гул висит, будто где-то вдали. Ну, прогрохочет, сотрясая посуду в буфетах, трамвай – так они, трамваи-то, бегают тут с незапамятных времен, и все к ним давно привыкли. Дома стоят чёткими рядами, а дворы отделены друг от друга и от улицы крепкими крашеными заборами, поставленными неизвестно для чего – наверно, по заведённому некогда порядку. Но всякий тут знает, что и когда происходит во дворе соседа, потому как – тишина.

Вот в таком кварталчике и жила Валентина Петровна. Особо впечатлительный читатель сразу спросит: "Почему – жила?" Поспешим уверить: живёт и здравствует по сию пору, просто речь в нашем рассказе пойдёт о событиях, имевших место лет двенадцать или даже тринадцать назад, и для удобства будем употреблять глаголы в прошедшем времени.

Валентина Петровна, жила в собственном доме, вернее в половине его, так как другая половина принадлежала её родному брату и на момент повествования была заселена его дочерью Мариной, проживавшей с мужем, двумя детьми и собакой охотничьей породы дратхар. Дом имел два входа – с разных сторон, задворки и общий участок земли за сеточной огорожей – попросту говоря, огород. Общим огород только числился – понятно, что молодой чете до земледелия дела было мало, а возделкой не слишком плодородного кусочка земли занималась, как умела, Валентина Петровна. Умела, надо сказать, не очень, но это к делу не относится. Дочка Валентины Петровны, Леночка – собаковод по убеждению – держала двух собак. В общем-то, ничего особенного в этом нет, иметь собаку, даже такой крупной породы, как чёрный терьер, в частном доме не только не слишком хлопотно, а даже, вроде, положено. Но если к чёрному терьеру добавить колли, за которым Леночка ездила, как бы не соврать, чуть ли не в Прибалтику, да приплюсо-

вать ещё соседского дратхара, да помножить всё это на постоянную занятость Лёночки, работающей учительницей в школе где-то за городом, то ситуация в отдельно взятом дворе начинает попахивать псарней.

Судьба, вообще, штука нелёгкая, а, порой, вовсе невыносимая, но Валентина Петровна никогда на неё, злодейку, не жаловалась – жила, как могла, иногда даже очень весело жила. Работала, вот уж почитай, четверть века в бухгалтерии на заводе, недалеко от дома, и частенько приглашала заводских подружек к себе – это ж как приятно летним вечером посидеть под яблоней, в хорошей компании выпить бутылку-другую вина, пожевать в который раз заводские сплетни и закончить день, уже за полночь, протяжными песнями о... конечно, о тяжелой и совсем нерадостной женской доле.

В тот год осень пришла ни рано и ни поздно – вовремя пришла, плавно закруглила лето и тихонько заголосила мелкими и противными дождями. Не успевшие ещё облететь липы недоумённо-обиженными стояли вдоль улицы, свесив жёлтые промокшие лохмотья, – словно барышни-модницы, вышедшие погулять, надев самые стильные свои наряды, и вдруг угодившие под струю шальной поливальной машины.

Нынешнее утро серо сочилось в кухонное окно, делая обычный завтрак унылым и невкусным. Валентина Петровна торопливо собиралась на работу. Выпуская во двор обеих своих собак, наказала: "Сторожите тут" и быстро зашагала по дорожке к калитке. И... приросла к месту. Прямохонько посередине дорожки стояло, лоснясь боками, новенькое синенькое пластмассовое ведро. Точно такое, какие производили в цехе ширпотреба на заводе, где работала Валентина Петровна.

Определённо, ведра не было ни вчера вечером, ни сегодня утром, когда Валентина Петровна ещё в сумерках тайком выбегала на улицу, чтобы выплеснуть на дорогу помой. Судорожно сморгнув, женщина снова посмотрела на невесть откуда взявшуюся ёмкость. Ведро нагло стояло, совершенно не выглядя утренним миражом.

Однако время поджимало, и раздумывать было некогда. Осторожно, придерживая полы плаща, Валентина Петровна обошла ведро и резво потрусила на работу...

Работая в бухгалтерии, можно между делом, под бумажный шелест авансовых отчётов, абсолютно не в ущерб производству, вести неспешные разго-

воры на разные житейские темы. Комнатка небольшая, столы под немислимыми углами притиснуты друг к другу, коллектив родной и общительный – калькулируй себе и беседуй. Утреннее явление ведра всплыло к третьему часу рабочего времени, после обсуждения достоинств Мэйсона из "Санта-Барабары" – обаятельного, но запойного адвоката.

– Петровна, а ты, когда помои вылила, калитку-то на щеколду задвинула? – спросила, сидящая напротив, тоже Валя, Валентина Ивановна, не раз бывавшая на посиделках у Валентины Петровны и, понятно, картину представлявшая очень реально.

– Нет, – подумав секунду, ответила Валентина Петровна – А зачем? Кто ко мне в такую рань полезет? С моими собаками...

– Неспроста это, Петровна, ох, неспроста...

К разговору подключилась Лидочка, молодая, но уже поднаторевшая в бабьих пересудах:

– Вы будьте поосторожней, Валентина Петровна, я слышала, так и сглазить могут...

– Точно! – ахнула Валентина Ивановна. – Кто-то, Петровна, порчу на тебя наводит! У тебя эти... недоброжелатели есть?..

Валентина Петровна – по натуре ли, по воспитанию ли – не была человеком, напрочь лишённым предрассудков, и женщинам понадобилось не очень много времени, чтобы довести её до беспокойства, граничащего с полным ужасом.

– Надо избавиться от ведра, с моста в реку бросить – только так спасёшься, – заключил всезнающий коллектив.

И в перерыв, вместо традиционного совместного – кто, что может, – обеда, отправилась запуганная Валентина Петровна сначала домой, а потом, неся злополучное ведро в далеко отставленной от себя руке, на которую по совету подруг была надета резиновая перчатка, к ближайшему мосту.

Промозглая погода не очень располагала к прогулкам, но народу по мосту шлялось много. Прилюдно швыряться ведрами в реку Валентина Петровна стеснялась, но и порчи боялась жутко. Уже пятнадцать минут она топталась по мосту туда-сюда, выбирая момент для решительного броска, но чёртов мост стал сегодня просто какой-то "дорогой жизни"! Прохожие с выгнутыми зонтами шли бесконечно и поглядывали подозрительно: не топить ли тётка собралась?

Перерыв подходил к концу, дождь наоборот только набирал силу. Со всем отчаявшись и зажмурив глаза, Валентина Петровна широко размахнулась и наконец метнула всю эту хиромантию за перила. Ветер радостно подхватил ведро и понёс, понёс его, переворачивая с боку на бок, подбрасывая и опуская, продлевая безумный полёт, избавляя достойную женщину от порчи и всякого сглаза!..

Пережитое волнение не позволяло нормально доработать остаток дня, и Валентина Петровна, сославшись на лёгкое недомогание, отпросилась у начальства домой...

Подходя к дому, она услышала истеричный лай. Собаки надрывались так, будто конец света уже близок, и отпугнуть его можно только основательно пошумев.

«Господи, – мысленно перекрестилась Валентина Петровна. – Что-то случилось! Всё-таки навели порчу!..»

Руки крупно дрожали, когда она ковыряла в замке ключом. Открыв калитку и добежав до дома, она даже немного удивилась – дверь закрыта, никаких повреждений не наблюдается, а лай доносится с огорода.

Поскольку никогда в жизни Валентине Петровне не доводилось принимать участие в псовой охоте, зрелище, поджидающее её, было невиданным.

По припорошенному, будто снегом, белыми перьями огороду неправильными кругами неслись три собаки. Впереди, как и положено псу охотничьему, летел с гордо поднятой мордой дратхар, за ним, ожесточенно лая, бок о бок скакали черный терьер и колли. Но явным лидером в этой гонке был неказистого вида петух. Стремительно перебирая лапками, петух шёл на рекорд. Хвоста у него уже не было, но любовь к жизни сдаваться не позволяла. Собаки пробовали окружать петуха, но тот маневрировал настолько ловко, что успевал метнуться в сторону всякий раз, когда, казалось, был уже обречён. Собаки сшибались лбами и, подзадоривая друг друга брёхом, снова и снова наматывали круги. Забава была в самом разгаре.

У решетчатой ограды, видно, поддавшись общему веселью, прыгала, смешно размахивая руками, племянница Марина и кричала:

– Чепэ! Ко мне! Сюда! Зараза! Убью!..

Увидев Валентину Петровну, она прокричала, словно оправдываясь:

– Я туда заходить боюсь! Затопчут же!..

Валентина Петровна, как была – с сумками в руках, бросилась в огород:

– Катя! Гольд!

Как ни странно, собаки услышали её голос и, моментально прекратив догонялки, побежали к хозяйке.

Дратхар Чепэ (чрезвычайное происшествие), прозванный так в своём собачьем детстве за активно любознательный нрав, оставшись без поддержки, малость смешался, закрутил головой, в азарте поводя ноздрями. Петух, умело воспользовавшись секундной паузой, стремительно проскочил мимо засбоившей собаки, мимо ошарашенной Марины, напрямик влетел в открытую дверь дратхаровой вольеры и... нырнул в собачью конуру. Марина тут же захлопнула дверь вольеры. Птица была спасена.

– Откуда взялся этот петух? – строго спросила Валентина Петровна, загнав своих собак в дом.

– А я знаю? – обиделась Марина, пытаясь уговорить кидавшегося грудью на сетчатую ограду вольеры Чепэ. – Я сама к началу охоты не успела. Гляжу, они его уже треплют... Может, от соседей перелетел?

Валентина Петровна неопределенно пожала плечами и кивнула на конуру:

– Доставать его оттуда надо, пока живой...

А достать перепуганную птицу было непросто. Маринин муж, души не чаявший в своей собаке, конуру смастерил что надо: двухкомнатную, утеплённую. Петух из дальней комнаты глядел острым глазом и отчаянно клевался. Дратхар уже смирился с тем, что активная часть охоты закончилась, и с интересом наблюдал из-за стальной сетки за неуклюжими попытками женщин пролезть в узкий лаз его собственного дома.

Пришёл из школы Маринин сын-третьеклассник и живо принялся помогать взрослым в выемке петуха. В силу небольшого своего размера он ловко влез в конуру целиком, но дальше первой комнаты не прошёл – петух оборонял обретённое убежище стойко, как защитник Брестской крепости.

– Димочка, Димочка, – суежилась Валентина Петровна, – глаза, глаза береги! У него клюв, знаешь, какой...

– Хватит, – решила Марина, и они вдвоём вытянули за ноги раскрасневшегося и перемазанного ребёнка из конуры. Глаза у него были целы, только слезились и ничего не видели, засорённые всяким сеном-соломой.

– Ключётся, гад, – сказал Димочка, отплёвываясь и протирая кулачками глаза. – И крыльями дерётся...

Чепэ за сеткой снова забеспокоился, всем свои видом показывая: пустите, мол, меня, уж я достану, раз сами не можете. Марина показала ему кулак, пёс обиделся.

– Мама, – сказал вдруг не по годам рассудительный Димочка. – Я же папе помогал конуру строить? Помогал. У неё крыша снимается...

Крыша, обитая жестью, была тяжелой, но втроем её кое-как сдвинули. Петух сидел, вжавшись в угол и на всякий случай закрыв глаза, он уже понял, что теперь-то уж точно – конец.

– Куда его? – спросила Марина, крепко держа петуха на вытянутых руках – он уже не трепыхался.

Валентина Петровна, быстро сообразив, что у соседей слева сроду кур не водилось, решительно определила:

– К Борису.

И Марина метнула петуха через забор направо. За забором сначала пошумело, повозмуцалось, поквохтало – потом стихло.

Четверо участников петушиной охоты, включая собаку, присели на зава-linkу усталые, но довольные.

– Петушок, конечно, изрядно потрёпанный, – глядя прямо перед собой, сказала Валентина Петровна. – Но мясо-то мы Борису сохранили...

Вечером, прежде чем отправиться за водой на колонку, Валентина Петровна долго выглядывала из калитки: не видать ли там где соседа Бориса – как за ободранного петуха оправдываться-то? А на колонке, уже наполняя второе ведро, с ужасом заметила, как Борис выходит из своей калитки с вёдрами, и встречи не миновать – не переться же с полными вёдрами в другую сторону от дома. Валентина Петровна хотела пройти мимо соседа, будто не заметив его, но Борис окликнул её сам:

– Валь, у тебя петух не пропадал? Приблудился какой-то... Мои-то все пёстрые, разноцветные, а этот – белый.

И добавил, получив неуверенный, но отрицательный ответ:

– Ну, если что, не обессудь – сварил я его... Всё равно – не жилец, оципывать почти не пришлось...

Когда Валентина Петровна зашла к племяннице поделиться новостью, там уже сидел её брат, отец Марины – он, будучи на пенсии, подрабатывал дворником на том же заводе. Дворничая по утрам и вечерам, он зашёл провести дочь

и внуков после вечерней половины своей работы и теперь слушал "про петуха". Валентина Петровна дополнила рассказ своими впечатлениями и поведала о встрече с Борисом.

– Как? – вскинулась Марина. – Это что же получается, что мы своими руками столько мяса выбросили?

– Не выбросили, а подарили, – поправила Валентина Петровна и, раз уж вечер полнился воспоминаниями о прожитом дне, рассказала о том, как избавлялась сегодня от порчи.

Марина сначала весело смеялась, а потом её отец, брат Валентины Петровны, грустно сказал:

– Валя, а ведь это я Маринке с завода ведро принёс. Я же рано иду – они ещё спали, а у тебя калитка открыта была. Думал, догадаешься... Вот это уж, действительно, выбросили...

Не по годам рассудительный Димочка, засыпая в своей кровати, думал: "Так откуда же взялся этот петух?.."

Взыскательный читатель, дотянувший до конца этого рассказа, может озадачиться вопросом: "А мораль?" Нету, дорогой читатель, не ищите. Что сам слышал, то и рассказал. А слышал от самой Валентины Петровны, с которой происходило и происходит ещё много всяких историй, и от прочих участников событий этого, в общем-то, обыкновенного осеннего дня.

Октябрь 2005 г.